

Вечерний Ленинград, 1967, 9 июля ДРАМАТУРГИИ

ЛЕТОПИСЦЫ ВРЕМЕНИ

В. РОЗОВ, драматург

Чтобы не начать за здравие и не кончить за упокой, я начну, пожалуй, с самого грустного. На мой взгляд, наша драматургия в целом значительно отстает в своем развитии сравнительно, скажем, с поэзией или прозой. Сложился определенный стандарт, и из пьесы в пьесу кочуют одни и те же герои, с одинаковой психологией, одинаковыми характерами.

Отставание драматургии тем более заметно и обидно, что советский театр находится сейчас в стадии напряженных творческих поисков, поисков нового содержания, новых форм, новых средств воздействия на зрителя. И театр испытывает своего рода «литературный голод», ибо драматургия дает ему пока еще не очень много.

Однако я не хочу быть понят так, будто я не вижу в нашей современной драматургии ничего хорошего. В конце концов ее лицо определяет не обилие посредственных пьес, а те пьесы, что наиболее интересны и значительны. Здесь мы можем проследить ее наиболее характерные черты и понять пути, по которым она развивалась и развивается. А она развивается. И может быть, даже сложностью ее развития и роста (ибо драматургия, видимо, более трудный жанр, чем проза) объясняется некоторое отставание, о котором я говорил вначале.

Наше государство и наше общество в силу своей молодости и своего движения по новому, неизведанному пути находятся в динамичном состоянии, и литература — драматургия, в частности, — стремится не только отразить это движение, но и активно вмешаться в него, быть не беспристрастным летописцем, а пристрастным участником событий. Поэтому гражданская и социальная тема занимает в советских пьесах большое место. Это одна из наиболее характерных черт советской драматургии. Однако в отличие от прежних времен эта тема носит теперь конфликтный, острый, а порой и полемический характер. В то время как лет десять-пятнадцать назад драматург изображал, так сказать, «узаконенные» общественные положения, «доказывая» то, с чем все давно согласны, теперь многие пьесы вызывают вокруг себя бурю общественных страстей. В этом интересе к разработке нерешенных проблем или к своему собственному перерешению проблем — одна из наиболее существенных особенностей современной

советской драматургии и залог ее дальнейшего творческого развития.

За последние годы для советской драматургии все более и более характерным становится проникновение во внутренний мир героев. Если ранее драматурга занимали главным образом проблемы обстоятельств, проблемы столкновения более или менее обобщенных характеров, то сейчас в центре внимания драматурга не только столкновение характеров, но и противоречия внутри характера, сложный и порой антагонистический мир человеческих чувств. Однако и здесь, и там драматург выделяет важную роль так называемым предлагаемым обстоятельствам, то есть обстоятельствам внешне событийным.

Например, героиня пьесы Алексея Арбузова «Мой бедный Марат» Лика должна решать чисто личные вопросы, выбирать между двумя влюбленными в нее юношами — Маратом и Леонидом. С пристальным вниманием следит драматург за сложностью и противоречивостью душевных переживаний своей героини, однако известная проблема «треугольника» решается, не только исходя из внутренней психологии героини, но и из тех черт, которые сложились под влиянием определенных жизненных обстоятельств, под влиянием времени.

Для нашей драматургии вообще не характерен вневременной герой, его связь со временем, с эпохой, его поиски своего места в современном мире всегда интересовали и, я думаю, будут глубоко интересоваться советского драматурга.

На мой взгляд, в современной советской драматургии существуют два направления: одно, продолжающее традиции русской психологической драмы, и второе, сложившееся главным образом под влиянием современной мировой драматургии. Конечно, такое деление довольно условно, ибо и драматурги второго направления все же идут в русле русской драматургии, и это можно отчетливо видеть в пьесах. Кстати сказать, ведь и мировая драматургия в лучших своих образцах в сильной степени была оплодотворена русским театром.

К первому направлению я отнес бы таких драматургов, как Алексей Арбузов, в известной степени Александр Володин, хотя Володин как писатель более молодой уже более чуток к новым веяниям, к воздействию европейской драматургии. К первому направлению при-

надлежу и я. Когда я начинал писать, на меня больше всего влияли Чехов и Горький. До сих пор они остаются, пожалуй, самыми близкими мне драматургами, в чьих традициях я продолжаю работать. Основной путь русской драмы, как я думаю, — в разработке характеров, в проникновении во внутренний мир человека. Чехов и Горький остаются здесь главными учителями.

Может быть, говоря о русской драматургии, стоит сказать еще вот о чем. Сейчас очень небольшое развитие находит линия, начатая таким удивительным писателем, как Гоголь, и в известной степени продолженная Сухово-Кобылиным. Может быть, это объясняется тем, что Гоголь вообще писатель очень своеобразный, и написать «под Гоголя» — это отнюдь не значит развить гоголевские традиции. Хотя, как я уже сказал, лично мне ближе другая линия русской драматургии, и ее я считаю основной. Однако я думаю, что традиции гоголевской трагикомедии не должны умирать.

За последнее время у нас появились пьесы, написанные явно под влиянием современной мировой драматургии. Мировая драматургия — понятие очень широкое и противоречивое. В первую очередь на наших драматургов более молодого поколения оказали влияние динамичность и, если можно так сказать, физиологизм американцев и контрастный интеллектуализм европейцев. Так что, в известном смысле, можно даже проводить возрастную разницу между двумя направлениями современной советской драматургии, о которых я говорил ранее. Из драматургов этого направления я бы в первую очередь назвал Эдварда Радзинского. Ему свойственна иная манера письма, чем, скажем, драматургам, которые начали работать в сороковых годах. Его характеры очень современные, заметны уже совершенно новые интонации, пьесам присущ элемент интеллектуализма, нервозности. Так же я думаю и о некоторых пьесах Леонида Зорина. Композиция этих пьес, их ритмы более современны и во многом сходны с работами западных драматургов.

Я думаю, это объясняется в первую очередь более широкими культурными контактами, тем огромным интересом, который вызывает мировая культура не только у писателей, но и у советского зрителя. Тем не менее влияния западной драматургии не следует переоценивать, традиции классической русской драматургии очень сильны и в произведениях более молодых советских драматургов.

Советская драматургия обращает свой взгляд и к документализму. Например, пьеса Михаила Шатрова «Шестое июля» (опыт документальной драмы) является удачным опытом, об этом свидетельствует долгий успех ее постановки Леонидом Варпаховским в Московском Художественном театре.

Чем более широкий круг тем будет охватывать советская драматургия, чем более смелые приемы и новые ходы она будет искать, тем больших она сможет добиться успехов, тем значительнее будут достижения советского театра.

Мне кажется, не нужно бояться того, что поначалу покажется слишком смелым и недоступным зрителю. Театр должен идти впереди зрителя, вести его вперед, способствовать его духовному росту.